

кой и выдающая только смысленнымъ взоромъ бойкое себѣ-на-умѣ, принадлежала творцу „Фигаро“. Совсѣмъ иное лицо на превосходномъ портретѣ, который воспроизводится въ большинствѣ изданій Бомарше; небрежно наброшена одежда, рубашка выбилась, воротъ широко распахнуть; смѣль и открыть взоръ; длинные, вьющіеся волосы, ничѣмъ не сдержанные, отпрянули назадъ съ высокаго лба, какъ будто застали врасплохъ этого страстного чело-вѣка, въ минуту, когда онъ готовъ былъ броситься въ какое-то отважное предпріятіе. Это онъ, настоящій Бомарше!—вырвется у васъ,—вы поймете, сколько несообразностей, и великихъ дѣлъ можетъ надѣлать такая голова, и невольно захочется узнать фантастическую, блестящую, сумасбродную исторію этого чело-вѣка.

I.

У философовъ прошлаго вѣка было въ большомъ ходу сравненіе мірозданія съ чудеснымъ часовымъ механизмомъ, который приводится въ движеніе величайшимъ изъ механиковъ. Отъ этого одинъ только шагъ,—и жизнь общества представится многосложнымъ сдѣвленіемъ зубчатыхъ колесъ, осужденныхъ на неподвижность, если искусная рука мастера не прикоснется къ нимъ; тогда все вдругъ оживетъ, малѣйшее колесико двигается и работаетъ. Стоить лишь найти ключъ, овладѣть главною пружиной, и часовщику останется только лукаво посмѣиваться и потирать руки отъ удовольствія, видя, какъ трудятся, выбиваясь изъ силъ, его послушныя орудія, воображающія, можетъ быть, что все это они дѣлаютъ по своей волѣ. Политику по профессіи, изощрившемуся въ умѣнѣ руководить людьми, легко напасть на такое сравненіе,—но какъ естественно оно будетъ въ умѣ того, кто дѣйствительно перешелъ къ руководству государственными судьбами отъ основательнаго изученія часового мастерства! Такъ это было съ Бомарше; съ дѣтства онъ посвященъ въ тайны высоко почитавшагося тогда ремесла; юношей онъ дѣлаетъ въ немъ настолько замѣчательное открытіе, что о немъ заговорила академія и дворъ; въ жизнь вступаетъ онъ прежде всего съ титуломъ королевскаго часовщика и долго не рѣшается потомъ лишить отца утѣхи продолжать мастерство, передававшееся у нихъ изъ рода въ родъ. Навсегда пріобрѣли въ его жизни рѣшающее значеніе эти раннія впечатлѣнія; видя, съ какимъ совершенствомъ онъ, стоя за кулисами, умѣлъ приводить въ движеніе всѣхъ и все на свѣтѣ, вѣришь, что актеры житейской драмы, короли, министры, епи-